

Александр Степанович Грин

Нож и карандаш

Александр Грин
Нож и карандаш

«Public Domain»

1917

Грин А. С.

Нож и карандаш / А. С. Грин — «Public Domain», 1917

«Непомерная страсть» юнги Давида к рисованию помогает оправдать невинного человека. © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	8

Александр Грин

Нож и карандаш

I

Если бы он не заболел, – сказал капитан Стоп шкиперу Гарвею, – клянусь своими усами, я выбросил бы его в этом порту. Но это его последний рейс, будьте покойны. Такого юнга я не пожелал бы злейшему своему врагу.

– Вы правы, – согласился Гарвей.

– Вчера, после восьми, когда я сменился с вахты, – продолжал капитан, – прихожу я к себе в каюту, а навстречу мне он: выскочил из дверей и хотел уже задать стрекача. Я поймал его и хорошо вздул, потому что, извольте видеть, за пазухой у него торчала украденная у меня бумага. Негодяй повадился воровать ее для своих проклятых рисунков. Помните, как в прошлом месяце пришлось заново переокрасить кубрик? Все стены были сплошь разрисованы углем да растопленным варом!

– Что говорить! – сказал шкипер. – Я сам застал его на вахте с карандашом и, должно быть, вашей бумагой. Слюнит и марает у фонаря. Кроме того, он слабосилен и неповоротлив.

– Жаль, что его сегодня скрутила болотная лихорадка!

Я с удовольствием прогнал бы его: не пожалел бы дать свои деньги на проезд домой.

Разговор этот происходил на палубе шхуны «Нерей». Давид (предметом разговора был недавно поступивший юнга Давид О'Мультан) заслужил немилость капитана непомерной страстью к рисованию. Он рисовал все, что попадалось на глаза, и на чем угодно: оберточной бумаге, досках, папиросных коробках... В портах он рисовал улицы, сцены портовой жизни, дома, корабли и экипажи; в местах же необитаемых – странные фантазии, в которых девственные леса, птицы, бабочки-раковины сплетались в грациозно сделанные арабески: узор и картина – вместе. Все матросы «Нерея» были изображены им. Нарисовал он и капитана, но Стоп, увидев рисунок, был поражен весьма нелестным сходством рисунка с собой и порвал его на клочки. Когда О'Мультана отпускали на берег, он всегда опаздывал к назначенному сроку возвращения, приходя с дюжинами различных картинок. Рассеянный, задумчивый Давид вообще не годился для напряженной морской работы и сурового корабельного дела. Каждый день он попадался в какой-нибудь оплошности, за что его жестоко били и оглушали самыми отчаянными ругательствами.

– Словом, – заключил капитан, – мямля эта мне не подходит. На корабле малярам делать пока у меня нечего, ватервейс покрасить могу и я.

– А что теперь с ним? – спросил Гарвей. – Лучше ему?

– Не знаю. Боцман дал ему хины и лимонаду. Мы здесь простоим неделю, за это время он встанет, и я наконец уволю его. Баста!

«Нерей» стоял в маленьком попутном порту Лиссе на рейде, в четверти мили от гавани.

– Ну, а как ваши дела, Стоп? – спросил Гарвей.

– Дела плохи, – мрачно заявил капитан. – На шерсти я потерял восемь тысяч, на джуте одиннадцать, а между тем за долги грозят описать судно. Вы знаете, что в моем сундуке лежат пятьдесят тысяч золотом, которые я должен передать здешнему купцу Сарториусу. Деньги эти получены за его опиум, проданный мною в Мальбурге. На днях Сарториус приедет за деньгами... Так вот, Гарвей, дела мои так плохи, что, не будь я честным моряком Стопом, я с удовольствием прикарманил бы эти деньги и глазом бы не моргнул.

Моряки разговаривали довольно громко, сидя на корме под тентом, за столом, украшенным тремя пустыми и тремя полными бутылками доброго старого вина. Невдалеке у штир-

борта два матроса чинили ванты. Ветер дул в их сторону. При последних словах капитана один из них, некто Грикатус, человек сорока лет, с черными маленькими усами, вздернутым носом и глубоко запавшими темными глазами, сказал Твисту, товарищу:

– Слышь, Твист, что капитан сказал?

– Что-то о деньгах...

– Ну да... «У меня, говорит, чужих денег пятьдесят тысяч. Украсть бы их!..»

– Похоже на то, – пробормотал Твист, – верно... кажется, он так и сказал. Выпивши, значит, болтает.

– Ну, вот что, – сказал между тем Стоп Гарвею, – месяц мы не видели берега, и сегодня следует погулять. Я отпущу всех до утра: сторожить останутся старик Пек, да... этот Давид. И мы с вами проведем сутки на берегу. Кстати, зайдем в здешний клуб, попробовать счастья в игре.

– Ладно, – сказал шкипер.

Капитан свистнул вахтенного, освободил его, отдал распоряжения, и через час команда «Керея» во главе с капитаном, вся одетая по-праздничному, выбритая и жадная, схлынула с двух шлюпок на Лисс разорять прекрасные заведения.

На «Нерее» осталось двое: преданный капитану старик матрос Пек и больной Давид.

Давид лежал в кубрике один (Пек жил в каюте боцмана). Он спал, с перерывами, все утро и весь день и проснулся в полночь. Озноб и жар прошли, остались – большая слабость, головная боль. Такое временное облегчение свойственно перемежающейся лихорадке.

Давид знал, что все, кроме него и Пека, на берегу, но, очнувшись, был все же неприятно поражен полной тишиной судна. Легкие скрипы, шорохи сонно покачиваемой ночной зыбью шхуны звучали сумрачно и неприветливо. Над столом горела висячая лампа: огонь ее давал скупой свет и много теней, кутавших углы кубрика в жуткую тьму. Над трапом в полукруге люка блестели звезды; под полом пищали крысы.

Давид встал, придерживаясь за койку, выпил из остывшего кофейника несколько глотков кофе, съел холодную котлету и пободрил. Спать ему не хотелось. Подперев голову кулаком, О'Мульган стал мечтать о том времени, когда он делается знаменитым художником. Мечта потянула к деятельности. Вынув из сундука неоконченный рисунок, Давид только что провел несколько штрихов, как вдруг услышал тихий плеск весел – лодка, видимо, плыла к шхуне. «Наверное, это наши. Отчего же так тихо? Обыкновенно приезжают без шапок и поют», – подумал Давид.

Лодка явственно стукнулась о борт «Нерея». Давид прислушался, ожидая обычного гвалта, но была полная тишина. Давид подождал немного, но все же ничего не услышал, и это его встревожило. Он тихо поднялся к люку и выглянул на палубу.

Он увидел невдалеке, у правого борта, одинокую, согнувшуюся фигуру человека, стоявшего спиной к кубрику. В темноте нельзя было различить, кто это. Давид хотел уже окликнуть его, но в этот момент человек быстро припал к палубе, – с кормы блеснул огонек трубки подходившего Пека, – и присел за грот-мачтой. Внезапная слабость, предчувствие ужасного сковали Давида. Он хотел крикнуть и не мог Трубка Пека вспыхивала теперь совсем уже близко, озаря мясистый нос и седобровые глаза старика.

– Эй, что за лодка?! Кто тут?! – закричал Пек, поравнявшись с мачтой.

Ворчливый голос этот на мгновение ободрил Давида, лишив все происходящее ужасающей загадочности, но в тот же момент человек, присевший за мачтой, стремительно выскочил, замахнулся и нанес оторопевшему старику быстрый удар по голове. Пек, не вскрикнув, упал.

На минуту спасительное возбуждение вернулось к Давиду. Чувствуя, что ему так же придется пасть от руки неизвестного убийцы, он стал тихо сползать по трапу, не будучи в силах, как очарованный, отвести взгляд от темной коренастой фигуры. Шорох движений заставил неизвестного вздрогнуть и обернуться лицом к кубрику, и тусклый свет штангового фонаря упал

на его черты. Полное ястребиное лицо с выпяченной нижней губой не было знакомо Давиду. Думая, что его заметили, он стремглав бросился вниз, судорожно отшвырнул люк «подшкиперской»¹ и, забежав в тесный угол, зарылся среди брезентов. Страх перешел в истерическое оцепенение, а затем в полное беспмятство.

Почти вслед за этим с моря донеслась громкая, грубо порхающая песнь пьяных возвращающихся матросов. Убийца, махнув в отчаянии рукой на ускользнувшие пятьдесят тысяч, поспешно прыгнул в лодку, и скоро его весла умолкли во сне океана.

---

¹ Подшкиперская – чулан под кубриком, где сохраняются корабельные материалы: пенька, канаты, фонари и т. п. (Примеч автора.)

II

– Подсудимый Грикатус! – сказал месяц спустя после этого судья бледному, унылому матросу, сгорбившемуся на скамье подсудимых. – Вы обвиняетесь в том, что 14 февраля 1917 года, забравшись в отсутствие экипажа на шхуну «Нерей», убили, с целью ограбить судно, матроса Пека. Что можете вы привести в свое оправдание?

Свидетельские показания складывались совсем не в пользу Грикатуса.

– Я не виновен! – сказал Грикатус. – Все это путаница и напраслина. Страдаю невинно.

Меж тем матрос Твист утверждал, что Грикатус очень интересовался суммой в пятьдесят тысяч и не переставал говорить о ней даже тогда, когда растрепанная компания смотрела на дно бутылок через горлышко, как в телескоп. Содержатель кабака «Ночная звезда» показал, что Грикатус ушел раньше всех, предварительно хватив шляпой о косяк двери и завернув страшную божбу в том, что он, Грикатус, будет богат. Береговой сторож, дежуривший у волнореза, заметил человека, отвязавшего чью-то шляпку и выплывшего на рейд.

Судебный процесс подходил к концу, как вдруг торопливо открылась дверь и в залу суда вошел доктор лечебницы Монпелье, где лежал Давид О'Мультан. Доктор держал клочок бумаги; быстро положив клочок этот перед судьей, он сказал:

– Вот все, что требуется для этого дела. Давид, сраженный нервным параличом, как вам известно, был целый месяц не в состоянии ни говорить, ни двигаться. Сегодня в десять часов утра он проявил признаки сознания. Знаками он объяснил мне, что ему нужны бумага и карандаш. Когда принесли требуемое, он, немного подумав, быстро и отчетливо набросал тот самый рисунок, который я имею честь и счастье представить вам, господин судья. Как видите, здесь изображено характерное лицо – по-видимому, точное изображение лица убийцы. Под рисунком подписано: «Портрет преступника. Найдите его...» Если это обстоятельство может пролить свет на дело, я думаю, что исполнил свой долг.

Рассмотрев правильный, четкий рисунок, весь состав суда не мог более ни ошибаться, ни колебаться. В крупном ястребином лице с толстой нижней губой все признали известного лисского вора Джека Ловайда, служившего год назад поваром у губернатора этой провинции. Джек был известен в маленьком порту как устроитель всякого рода темных делишек, вечно шлявшийся по передним и кухням.

Пока выследили и поймали преступника, сознавшегося не без кривляния в том, что, подслушав разговор пьяного Грикатуса о купеческом золоте, украл шляпку, выплыл к шхуне и убил Пека, – прошло много времени; Грикатус досыта насиделся в тюрьме.

Сарториус взял Давида к себе, и, посыпав, где надо, золотом, дал свету нового оригинального художника. Несколько военных рисунков О'Мультана на выставке «Просветителей» привлекли общее внимание. Характерной особенностью рисунков этих было то, что в каждом воине, поражающем врага, были всё те же неизгладимо запечатлевшиеся черты: круглое ястребиное лицо и толстая нижняя губа... – след нервного потрясения.